

Двойственность содержания и формы памятника послужила причиной многочисленных научных споров, которые не затихают уже целое столетие. Основные спорные вопросы были поставлены и предположительно решены первыми исследователями Повести — Н. И. Костомаровым, А. Н. Пыпиным, Ф. И. Буслаевым. Остальные ученые в большинстве случаев лишь развивали ту или иную гипотезу. В истории изучения Повести можно с очевидностью наметить два периода: дореволюционный и советский. Каждый из названных периодов имеет в этом отношении свою специфику, задачи, успехи. Чтобы понять особенности дореволюционного и советского времени в деле изучения Повести о Горе-Злочастии, следует остановиться на обзоре основных вех, по которым пошло исследование.

Основными вопросами изучения Повести о Горе-Злочастии, намеченными первыми исследователями, были следующие: форма Повести, жанровая природа ее, содержание, трактовка образов — доброго молодца и Горя-Злочастия, идея памятника, композиция, вопрос о влияниях; в советскую эпоху началось изучение стиля и языка этого произведения.

Первому исследователю только что открытого памятника Костомарову прежде всего бросилось в глаза своеобразие его формы. Хотя список был написан прозой, однако она легко поддавалась разложению на стихи былинного размера. Костомаров, разбив Повесть на стихи, приобщил ее по форме к былинам, правда, с оговоркой, что по содержанию она представляет собой совершенно оригинальное явление (17). Впоследствии принадлежность к былинам Повести подтвердил Ф. Корш своими конъектурами о ритмике и метрике ее (см. изд. Симони 1907 г.). Повесть не была, однако, однородной. Двойственность ее, о которой говорилось выше, прежде всего сказалась на форме. Повесть начиналась и кончалась совсем иначе, чем былина: рассказу о судьбе доброго молодца предшествовало вступление о грехопадении Адама и Евы, с некоторым отступлением от Библии (замена запретного плода — яблока — на «плод виноградный»); кончалась Повесть тоже на церковно-книжный манер: обращение к богу с молитвой об избавлении от вечной муки и даровании рая. Все это навело другого исследователя — Буслаева — на мысль о близости Повести к духовным стихам (20). Впоследствии эти две точки зрения о жанровой природе произведения находили отражение у ряда ученых. В. Ф. Миллер посвятил в 1896 году целую работу о близости Повести к былине об Иване Гостином сыне (35), в которой пришел к выводу о почти буквальном совпадении начала былины с нашим памятником. С мнением же Буслаева соглашается А. В. Марков, отмечавший в своем исследовании сходство Повести с «Прением Живота со Смертью» и духовным «Стихом об Анике-воине» (47). Впрочем, некоторая близость Повести к духовным стихам была замечена еще раньше Буслаева Пыпиным в его «Очерке литературной истории старинных повестей и сказок русских» (19) и В. Варенцовым. Варенцов приводит в «Сборнике русских духовных стихов» (81) в качестве параллелей к памятнику два духовных «Стиха про Удачу-доброе молодца». Отнесение Повести к духовным стихам являлось более натянутым, чем причисление ее к былинному жанру. Пыпин уже в своем «Очерке» ставит ее между сказкой, былиной и так называемыми «стихами». В небольшой заметке, помещенной в собрании сочинений Чернышевского, Пыпин более резко возражает Буслаеву (40). Одновременно с сравнением памятника с былинами и духовными стихами появилась и третья линия — сближение его с народными песнями. И здесь нашлись поборники, причислившие Повесть о Горе-Злочастии к жанру народных лиро-эпических песен. Например, А. С. Архангельский в лекциях по истории русской литературы (46) охарактеризовал это произведение как новую редакцию